

ПЕПЕЛЬНЫЙ ВЕТЕР

НЕЛЛИ ШУЛЬМАН

Нелли Шульман

Пепельный ветер

«Автор»

2026

Шульман Н.

Пепельный ветер / Н. Шульман — «Автор», 2026

Сборник рассказов в жанре магического реализма, хоррора и научной фантастики. Освоение Луны, полеты к дальним планетам, путешествия во времени и загадочная болезнь, отбрасывающая человечество все дальше в прошлое.

© Шульман Н., 2026

© Автор, 2026

Нелли Шульман

Пепельный ветер

В полутьме медицинского отсека размеренно мигал зеленый огонек портативного ультразвукового сканера. Устройство, доставленное несколько часов назад из Платиновой долины, требовало срочной зарядки. На спешно созванном совещании Первой Базы глава врачебной службы не стеснялась в выражениях.

– Неизвестно, как поведет себя аномалия в будущем, – резко заявила Фавста, – а сканер у нас всего один. Нынешняя ночь показала, что без него мы как без рук.

Авария произошла на глубине в полкилометра, где шахтеры Первой Базы прокладывали штольни для разработки нового месторождения. До второго сканера, находящегося за тысячу километров от Первой Базы, во временном лагере строителей, им было пока не добраться.

Фавста, разумеется, отправила радиogramму коллеге, однако она не имела права отобрать у Мартина его единственный сканер. Во временном лагере в любой момент тоже могло произойти несчастье, как выразился на совещании бывший глава Первой Базы, Юкио, уже находящийся одной ногой на Земле.

До вчерашнего дня персонал понятия не имел, кто заменит пожилого худощавого инженера. За два года работы на Луне Фавста привыкла к его манере шурить и без того узкие глаза и недовольно постукивать изящными пальцами по столу.

Фавста услышала о несчастье, когда руководство Базы подняли с постелей в середине ночи. Первая База, существующая на Луне больше двух десятков лет, обзавелась постоянными подземными структурами и оранжереей, откуда Фавста получила молодое оливковое деревце. Животных на Луну не отправляли, а детей у нее не было.

– Если бы были, – сказала она сканеру, – я бы сейчас здесь не сидела.

Работающие на Луне родители встречались с детьми в ежегодном отпуске, но такой возможностью воспользовалось только несколько коллег Фавсты. Большинство решало покинуть Луну, чтобы создать семью.

– Или у них взрослые дети, как у Юкио, – врач все рассматривала сканер, – хватит, займись делом.

Ее делом оставался плексигласовый купол, неувовимо напоминающий Фавсте саркофаг. Отогнав неуместные мысли, она наклонилась над коконом, как врачи называли машину интенсивной терапии. В Платиновой долине портативный сканер не показал Фавсте ничего из ряда вон выходящего. Врача все равно что-то неувовимо беспокоило.

Приблизив губы к микрофону, она четко сказала:

– Мирон, сейчас я проведу более полное сканирование. Моргни, если ты меня слышишь. Нового начальника Первой Базы звали Петром, однако пятнадцать лет назад Фавста покачала головой.

– Так к тебе обращаются остальные, но я придумаю тебе другое имя, Миронов.

Через три года после их встречи Мирон улетел на Луну. В последний раз Фавста слышала о нем лет десять назад. После расставания она не следила за карьерой Миронова, узнав о его назначении только на ночном совещании.

Темные ресницы теперешнего начальника Первой Базы шевельнулись. Стараясь не смотреть на его пепельно-серое лицо, Фавста вкатила кокон в белоснежную арку стационарного сканера.

Этой ночью ей так и не пришлось вернуться в тесную комнатку с разросшимся оливковым деревом.

На Первой Базе давно говорили о расширении жилого крыла, однако после открытия месторождений Платиновой долины все силы строителей бросили на разработку новой шахты.

Луна отчаянно нуждалась в новых людях. Ежегодно прилетая на Землю, Фавста тратила половину своего отпуска на выступления в университетах и профессиональных школах, описывая выпускникам преимущества работы на спутнике. Пока она считала серьезным только одно из них.

– Мы единственные из человечества делаем шаг в непознанное, – сказала она стационарному сканеру, – а непознанное, кажется, движется нам навстречу...

Стационарный сканер успокаивающе помигал красным огоньком. Фавста не сомневалась в машинах и увиденное ей на снимках не могло оказаться технической ошибкой.

Покосившись на кокон, где спокойно дышал Мирон, доктор пробормотала:

– Он не должен дышать, – Фавсте на мгновение стало страшно, – у него нет легких.

Новый начальник Первой Базы, кроме того, не должен был вообще жить. На снимках стационарного сканера Фавста увидела уже знакомое ей серое облако. На горизонте шахты в Платиновой долине она списала все на техническую ошибку, но сейчас у нее не оставалось никаких сомнений.

– Раньше ты руководил конструкторами, – Фавста опять наклонилась над коконом, – это твои приборы, Мирон. Они не могли одновременно выйти из строя. Что с тобой случилось? Где твоё сердце, где мозг и все остальное?

Бледно-серые губы Мирона едва уловимо шевельнулись. Впалые щеки покрывала отросшая за ночь темная щетина. Фавсте показалось, что пациент мимолетно улыбнулся.

– Ерунда, – она собрала снимки, – Мирон словно в коме, но кома не влияет на внутренние органы. В длительном забытье они стареют, однако мы имеем дело с чем-то другим, потому что его организм исчез со снимков.

Фавста на мгновение задержалась у порога палаты. Медицинский робот, присматривающий за коконом, приветливо моргнул лампочками. В случае любой нештатной ситуации робот должен был надежно заблокировать и без того тяжелую стальную дверь. Оказавшись в низком коридоре, Фавста облегченно выдохнула. Роботы посылали сигналы тревоги на личные браслеты врачей.

– Я узнаю обо всем первой, – доктор коснулась браслета, – но бояться нечего, ошибка рано или поздно разрешится.

Браслет играл янтарными лучами среднего уровня опасности. Платиновая долина находилась в полусотне километров от Первой Базы, но любой инцидент автоматически включал на браслетах лунных жителей желтый свет.

– Который может смениться на красный, – Фавста вызвала лифт, – или на зеленый, потому что хватит паниковать.

Еще раз потрогав браслет, она вышла в закрытый канал совета Базы.

– Говорит Фавста Литвинова, – она помолчала, – я созываю срочную встречу.

Юкио, бывший начальник Первой Базы, уже не имел права вести совещания, однако правила, предусматривая и такой поворот событий, позволяли занять место председателя его помощникам. Фавста, глава лунной медицинской службы, обладала таким правом.

Ожидая, пока члены совета отойдут от единственного автомата с кофе, Фавста тихо сказала первому заместителю начальника:

– Председательствуй ты.

Симон добродушно усмехнулся, блеснув белыми зубами. Его щеки цвета темного шоколада покрывала седоватая щетина.

– Он тоже не выспался, – поняла Фавста, – он руководил спасательными работами в Платиновой долине.

– Давай бросим древнюю монетку, – предложил Симон, – зря, что ли, мы держим ее здесь для такого случая, потому что нас всего двое.

Фавста покачала коротко стриженной головой. В свете белых ламп ее светлые волосы отливали серебром.

– словно я поседела, – поняла женщина, – хотя после такой ночи действительно впору посесть.

Работа на горизонте не останавливалась, но Фавста не питала надежд на благополучный исход. Речь шла о двадцати пропавших без вести товарищах. Единственным выжившим в несчастье оставался Мирон, которого без сознания нашли на горизонте, откуда исчезли шахтеры.

Новый начальник Базы отправился в Платиновую долину прямо с космодрома. Фавста его понимала. Несмотря на прогнозы ученых, в реголите, верхнем слое лунного грунта, пока отыскивали только следы столь необходимого на Земле гелия-3, но две недели назад шахтеры, наконец, достигли богатого месторождения.

Фавста стояла под большой картой Платиновой долины. Юкио рассказал ей, что название местности дали, как выразился начальник, в стародавние времена, двадцать лет назад, когда Фавста была неуклюжей долговязой девчонкой и только мечтала о работе во внеземном пространстве. Название долины прижилось из-за цвета реголита, светящегося в тех местах чистым серебром.

На Луне так и не обнаружили драгоценных металлов, однако Юкио считал, что Платиновая долина звучит лучше Пепельной. По мнению Фавсты, тамошняя пыль действительно больше напоминала пепел. Вспоминая изменившееся лицо Мирона и серые пятна на изображении в сканере, она невольно поежилась.

– Никакой монетки, – отозвалась Фавста, – я докладываю обстановку, поэтому заседание придется вести тебе.

По комнате пронесся приятный проигрыш сямисэна. Юкио заменил обычный резкий звук таймера мелодиями своей родины. Члены Совета двинулись к круглому столу.

Заседание закончилось, когда тусклое ночное освещение в коридорах Базы сменилось яркими лучами утренних ламп. Фавста почти не чувствовала усталости. Сначала члены совета скептически отнеслись к ее предложению.

– погодите, – сказал кто-то, – но почему Миронов реагировал на ваш голос, если, как вы говорите, у него отсутствует даже мозг?

Фавста вывела на экран увеличенные снимки со стационарного медицинского сканера.

– Мы не знаем, отсутствует, или нет, – резонно заметила врач, – однако вся медицинская техника в нашем распоряжении показывает одну и ту же картину.

Симон пробормотал себе под нос:

– Серый шум, как в аппаратах слежения, пострадавших при аварии в Платиновой долине. Самописцы ничего не зарегистрировали, на ленте остались только помехи, что, разумеется, может быть совпадением.

Фавста решительно отозвалась:

– Получается, что совпадений слишком много. В таких условиях я могла бы пойти на диагностическую операцию, но...

Над столом повисло тяжелое молчание. Фавста понимала, о чем сейчас думают члены совета.

– Неизвестно, что находится внутри Мирона, – она остановилась перед тяжелой стальной дверью, – непонятно, может ли эта дрянь проникнуть сквозь защитный костюм и неясно, как она поведет себя дальше.

Во время заседания браслет Фавсты успокаивающе мигал зелеными огоньками. Роботы, дежурившие в медицинском отсеке, пока не били тревоги.

Стоящий сзади Симон тихо заметил:

– Миронов единственный выживший в несчастье. Он видел, что случилось с шахтерами и он может объяснить произошедшее на горизонте.

Пока на месте аварии работали только роботы. Симон запретил людям заходить за огороженный лазерными лучами участок, где лунный грунт словно разверзся, поглотив два десятка человек. Нового начальника Первой Базы нашли без сознания на том месте, где четверть часа назад работала бригада. Фавсте внезапно стало страшно, однако врач напомнила себе, что все, касавшиеся Мирона, носили защитные костюмы.

Фавста хмыкнула:

– Шахтеры и Мирон тоже носили скафандры, как и мы сейчас, что им нисколько не помогло.

Велев себе оставить страхи, она первой шагнула в залитое беспощадным белым светом пространство медицинского отсека. Симон последовал за ней.

Медицинский робот поприветствовал Фавсту размеренным гудением, в котором ей всегда слышалось что-то уютное.

– Я вижу, что все в порядке, – врач осеклась, – погоди...

Во время заседания Фавста получала на свой браслет только внешние снимки капсулы интенсивной терапии. Кокон не оборудовали внутренними камерами.

– Иначе я первой забила бы тревогу, – она наклонилась над плексигласом, – потому что теперь Мирон больше напоминает мумию.

За несколько ночных часов новый начальник Первой Базы резко похудел. Морщинистая, словно пергаментная кожа обтягивала выпирающие кости. Папиросная бумага век прикрывала запавшие глаза. Втянутые внутрь губы излучали серебряный свет. Фавста покосилась на истощенную руку Мирона. Его ногти тоже отливали платиновым сиянием.

Симон почти неслышно шепнул:

– Фавста, что происходит?

Доктор Литвинова шагнула к роботу. Машина словно излучала спокойствие. Фавста велела себе не бить тревогу преждевременно.

– Мирон знает этих роботов как свои пять пальцев, – пронеслось у нее в голове, – он мог перепрограммировать систему. Вернее, не Мирон, а живущее внутри него.

Космическая медицина пока не имела дела с инопланетными бактериями или вирусами. Луна была совершенно мертва, а до Марса человечество еще не добралось. Ученые, в любом случае, считали, что и четвертая планета, с ее суровым климатом, не могла служить пристанищем даже для микроорганизмов.

Фавста протянула руку к щитку, закрывающему доступ во внутренние узлы робота.

– Вероятно, что-то попало сюда с пылью пространства, – она посчитала удары сердца, – или с осколком астероида. Что-то неизвестное, но могущее быть враждебным.

Фавста очнулась от прикосновения к своей руке.

– Займись лучше Мироном, – попросил ее Симон, – ты все-таки не инженер, а я именно он. Ты думаешь, что робота перепрограммировали?

Перетащив к кокону полностью заряженный портативный сканер, Фавста кивнула на неподвижного Мирона.

– Я посмотрю, во что превратились его внутренности, а ты проверь, не случилось ли чего нештатного с маши...

Что-то яркое полыхнуло перед ее глазами. Фавста едва успела броситься на пол. Огненный вихрь пронесся по отсеку. Дымящееся тело Симона билось в конвульсиях на полу. Плексиглас кокона затрещал, словно раздираемый изнутри.

– Мирон настроил робота на самоуничтожение, – поняла Фавста, – только бы резервные генераторы справились со скачком напряжения в сети.

Вокруг разломанного кокона клубилось облако пепельного дыма. Лампы на потолке потухли. Медицинский отсек погрузился во тьму.

Фавста не могла припомнить случая, когда экстренные заседания совета созывались бы так часто. На этот раз они собрались не в привычной комнате с круглым столом, а в бетонированном пространстве технических коридоров и рабочих складов.

Двадцать лет назад строители Первой Базы на совесть вгрызлись в каменистый лунный грунт. Поверхность спутника лежала в трех сотнях метров от белокурой макушки Фавсты, что никак ее не успокаивало.

Аварийные лампы наверху переливались неверным светом. Дополнительные генераторы справились с нагрузкой, однако выжившие в аварии не могли связаться со строящейся Второй Базой, с экспедицией в Платиновой Долине и тем более с Землей. Пыльная дрянь, как ее в сердцах назвала Фавста, судя по всему, глушила радиоволны. Доктор Литвинова невольно посмотрела на теряющийся в полутьме серый потолок.

Совет, или то, что от него осталось, понятия не имел, что сейчас происходит над их головами.

– И мы не знаем, что случилось с оставшимися наверху, – Фавста поежилась, – они могут бесследно исчезнуть, как шахтеры в Платиновой долине.

Доктор Литвинова встрепенулась от кашля Юкио. Бывший глава Первой Базы даже в суматохе эвакуации не позволил себе облачиться в помятый комбинезон.

Брезгливо стряхнув с рукава песок, Юкио потребовал:

– Докладывай свои соображения, Фавста.

Зачем-то оглядевшись, врач повертела бесполезный сейчас стилус. В технических этажах Базы не завели обычных экранов. Она не могла воспользоваться пусть и маленьким, но удобным экраном на браслете. Пепельная пыль надежно заблокировала все коммуникации.

– Да и черт с ним, – разозлилась врач, – стилусом можно рисовать на песке, которого здесь хватает.

Соображения Фавсты были просты. Проведя узкой ладонью по серому песку, она начертила несколько прямых линий.

Она не знала, что именно вдохнул Мирон на горизонте шахты в Платиновой долине, однако попавшее в его организм вещество необратимо меняло человека.

– Вернее, – поправила себя Фавста, – субстанция уничтожает жертву изнутри, подчиняя ее своей воле и заставляя действовать в ущерб интересам человечества.

Юкио недоверчиво хмыкнул:

– Ты считаешь, что мы имеем дело с инопланетянами?

Девчонкой, читая о возможной скорой встрече человечества со братьями по разуму, Фавста грезил полетами на далекие планеты и межгалактическими научными конференциями.

– Теперь понятно, что на самом деле все обстоит по-другому, – Фавста подавилась горечью во рту, – субстанция не считает нас равными себе. Мы для нее пища и она пожирает все вокруг, превращая останки в пепел забвения.

Фавста молча рассматривала усталые лица членов совета. Из обычных семи человек в подземельях оказалось только четверо.

– Симон мертв, – вздохнула врач, – а остальные... Где их сейчас искать?

Персонал Первой Базы составлял две сотни человек, из которых до нижних ярусов добралось едва ли пятьдесят. Фавста избегала мыслей о случившемся наверху. Сейчас требовалось сосредоточиться на деле.

– Скорее всего, что да, Юкио, – ответила врач, – хотя вряд ли мы имеем дело с жизнью в нашем понимании этого слова. Скорее, перед нами споры или что-то вроде микроорганизмов. Миронов, то есть его тело, светилось, прежде чем обратиться в прах.

Глава биологических лабораторий остался где-то наверху и не мог подтвердить слова Фавсты.

– Вообще-то никто не может, – она поймала недоверчивый взгляд Юкио, – потому что я – единственная выжившая в медицинском отсеке.

– Значит, споры сейчас растут и в тебе, – бесцеремонно сказал Юкио, – ты должна была их вдохнуть, Фавста.

Врач пробурчала:

– Я действовала по инструкции, предписывающей для таких случаев костюм высшей биологической защиты. Мы пока не знаем, могут ли споры проникнуть через него. Надо следить друг за другом, потому что один из первых симптомов – это изменение цвета кожи.

Внимательно всмотревшись в нее, бывший начальник сварливо сказал:

– Вроде пока все в порядке. Выкладывай, что ты придумала.

Едва справившись с болью в сердце, Фавста приказала себе пока забыть о погибших товарищах. Врач не сомневалась, что Мирон, каким она его знала, давно мертв.

– Только он никого не убивал, – перед ее глазами встало дымящееся тело Симона, – во всем виноват проклятый пепел забвения.

Фавста тряхнула головой.

– Я поднимусь на Базу.

Юкио хотел что-то сказать, однако врач прервала его коротким жестом.

– Во-первых, у нас сохранился всего один костюм высшей степени защиты, – она указала на аккуратно сложенную серебристую ткань, – мой, кстати говоря. Во-вторых, я возьму рацию и постараюсь связаться хотя бы со Второй Базой или с шахтой в Платиновой долине.

На разговор с Землей Фавста почти не надеялась. Ей пришлось в голову, что пыльная дрянь могла распространиться по поверхности Луны. По ее спине пробежал холодок.

– Тогда заражение станет тотальным, поняла Фавста, – и, честно говоря, пока неизвестно, что случится со мной, несмотря на защитный костюм.

Высочив из медицинского отсека, она заблокировала дверь, однако пыли ничто не мешало просочиться дальше. Браслеты связи вышли из строя почти сразу, но Фавста успела передать сигнал тревоги. Все, кто успел его получить, собрались сейчас в подземельях. Врач решительно поднялась.

– Речь сейчас не обо мне, Юкио, – ответила она, – наверху остались наши товарищи. Мы не имеем права бросить их на растерзание дряни. На поверхности рация заработает и мы узнаем, что случилось.

Она привычными движениями облачилась в защитный костюм. Юкио велел:

– Подожди, я провожу тебя к лестнице.

Он забрал у Фавсты рацию.

– Неизвестно, по каким каналам просачивается дрянь, – заметил бывший начальник Базы, – воздуха нам пока хватает, а в хранилищах достаточно воды и еды, но долго мы здесь не протянем.

Зажав шлем под мышкой, Фавста двинулась вперед. Их шаги отдавались эхом под бетонными сводами подземного этажа. Эвакуированный с Базы персонал собрался в большом зале, где стояли генераторы кислорода. Устройства работали от аварийной сети, питающейся энергией запасного ядерного реактора.

– Который тоже может остановиться, – Фавста замерла, – надо как можно быстрее подняться на поверхность.

Послушав гул знакомых голосов, доносящийся из зала, она повернулась к Юкио. Начальник мимолетно улыбнулся.

– Не волнуйся, я поговорю с ребятами. Делай свое дело, Фавста.

Он изумленно заметил:

– Ты взяла медицинский набор.

Доктор Литвинова кивнула.

– Во-первых, наверху я могу отыскать пострадавших, а во-вторых, мы должны знать, что это за пыль. Я постараюсь собрать несколько образцов, разумеется, со всей возможной осторожностью, – она помолчала, – попробуем провести ее анализ...

Фавста чуть не добавила:

– Если я вернусь.

Металлические ступени лестницы завибрировали под ее легкими шагами. Оказавшись у стальной двери, отделяющей ее от верхних этажей, Фавста оглянулась. Фигура Юкио почти растворилась в темной пропасти подземного яруса. Начальник поднял руку в старом космическом приветствии. Фавста повторила его жест.

Пристроив на голову шлем, она нажала кнопку голосовой записи.

– Сегодня двадцать пятое мая пятьдесят второго года, – спокойно сказала врач, – говорит Фавста Литвинова. Я поднимаюсь в верхние ярусы Первой Базы, чтобы установить связь с нашими товарищами и попытаться спасти остальной персонал станции.

Дверь бесшумно отодвинулась в сторону, ее едва не сбил с ног порыв резкого ветра. Заставив себя не закрывать глаза, Фавста шагнула в клубы пепельного дыма. Пробираясь по лестницам и коридорам, она пыталась различить очертания знакомой планировки. Серая масса, казалось, захватила всю структуру Базы, оставив на полу островки платинового блеска, похожие на лужи после дождя.

Фавста заметила нечто движущееся в расплавленной жидкости. Серебристая плесень росла, протягиваясь к другим островкам, сливаясь в непроницаемую массу, покрывавшую стены и потолок.

Фавста не рискнула прикасаться к ней. Запаса кислорода в ее защитном костюме оставалось лишь на три часа, и любая задержка могла обернуться гибелью человечества. Фавста была уверена, что серебристая плесень не собирается оставаться на Луне.

Она надеялась, что ее радио, бесполезное в бетонных недрах нижней части Базы, сможет поймать хоть какой-нибудь сигнал.

На мгновение замешкавшись, Фавста огляделась в поисках выживших, но вспомнила серебристое свечение кожи Симона. Фавста была уверена, что они столкнулись не просто с вирусом.

– Нет, – прислушалась она. – Это настоящая жизнь, которая хочет распространиться дальше.

За приоткрытой дверью кто-то или что-то издавало чавкающие звуки. Серая плесень уже украсила стену снаружи комнаты.

Фавста двинулась вперед, следя за тем, чтобы костюм не касался пепельных пятен, тянувшихся прямо к ней. В рывках и скачках крошечных частиц угадывалось подобие ритма. Она едва успела отпрыгнуть. Сверкающий поток хлынул из-за двери, заливая коридор, и Фавста бросилась к ближайшей лестнице. Лифты, как и радио, теперь были бесполезны. Платиновая масса подо ней издала чавкающий звук, и Фавста содрогнулась от омерзения.

Взбегая по лестнице, она проверила радио. Едва различимый зеленый огонек стал изумрудным. Связь с Землей теперь была восстановлена.

– Почти, – стоя в тамбуре, она считала секунды. – Соединение станет полноценным, когда я выйду наружу.

Фавста, впрочем, понятия не имела, что делать дальше. Самый быстрый перелет до Луны занимал не меньше двенадцати часов и Фавста не была уверена, что она продержится так долго. Серая масса жаждала новых жертв.

Она проклинала неторопливость шлюза, отделявшего верхний этаж Базы от лунной равнины. Двери раздвигались, открывая взгляду серебристые пески и Фавсте показалось, что мерзость поглотила всю Луну.

Снаружи она почувствовала что-то вроде облегчения. Субстанция, чем бы она ни была, явно предпочитала подземное существование. Фавста не хотела думать о возможном заражении.

Вспомнив любимую песню матери, первой женщины, ступившей на Луну, она позволила себе мимолетную улыбку.

– Я выживу, – купаясь в призрачном свете Земли, Фавста нажала кнопку на радио. Лазурный шар ее планеты озарял черный шелк бесконечного неба.

– Центр управления, – отозвалось радио. – Первая База, что происходит? Мы пытались выйти на связь, но...

Фавста перебила его.

– Красный код. Это доктор Литвинова. Поднимайте всех на ноги, потому что у меня мало времени.

Она доложила обо всем, стараясь быть как можно лаконичнее.

– Через двенадцать часов корабли будут у вас, – пообещал глава Лунного совета. – Держитесь, Фавста, и...

Он замялся, и Фавста ответила:

– Я постараюсь спасти как можно больше людей, но поторопитесь. Субстанция может атаковать Землю.

– Мы сожжем ее к чертям, – проворчал кто-то в центре управления.

Фавста вспомнила причудливые узоры массы, покрывавшей стены Базы. Точки и линии на них, казалось, двигались.

– Нет, – нахмурилась она. – Это игра воображения.

Фавста направилась обратно к уродливому бетонному строению. Серебряные звезды над ней задрожали, будто рассыпанные ветром, и она остановилась. Рисунок созвездий напомнил тот, что она видела внизу.

– Оно пытается говорить с нами, – Фавста побежала к массивным дверям. – Оно не знает как, но я попытаюсь его понять.

Звезды вернулись на привычные места, и Фавста исчезла в темном зеве входа в Базу.

Элла

Теплое дерево мостков само ложилось ему под ноги. Среди желтых болотных цветов дрока и хилых березок звенели комары. Озеро пряталось за поросшими вековыми соснами холмами. Артемьев спускался к берегу среди палой хвои и узловатых корней. Наплававшись, он устраивался в тени со очередной книжкой, прихваченной в библиотеке санатория.

Предполагая, что, кроме него в старинных избах вокруг болота обитают и другие космолетчики, находящиеся на, как выражались в медицинском управлении Космофлота, реабилитации, Артемьев был уверен, что местные врачи предотвратят возможные встречи коллег.

– Или бывших коллег, – он остановился у цветущей чемерицы, – потому что в космос не пускают ненормальных.

Наедине с собой Артемьев мог не притворяться, хотя официально его состояние считалось психологической травмой высшей категории.

– Повлекшей за собой глубокую депрессию, – сказал главный врач санатория, – однако не беспокойтесь. Мы поработаем и все пойдет на лад.

В устах кругленького и радушного главного врача даже депрессия звучала уютно.

Уютной оказалась и изба Артемьева, обставленная древней мебелью, и плетеная корзинка с ягодами, каждый день появляющаяся на пороге, и низенькая собачка с хвостом, закрученным бубликом, живущая в будке.

Собачка ложилась на спину рядом с креслом, где он читал очередной детектив, и призывно болтала лапками. Артемьев щекотал ее живот и собака удовлетворенно улыбалась.

Робототехника сейчас достигла невиданных высот и ученые могли построить любое создание, от собаки до комара.

– Но не человека, – по его спине пробежал холодок, – такие исследования запрещены.

Артемьев протянул руку к чемерице, однако в его ухо вполз прохладный голос.

– Осторожно, – сказал робот, – это растение ядовито.

– Я в курсе, – сообщил Артемьев так называемому личному помощнику. – Я не собирался его трогать. Хотя, даже если я съю все листья этого куста, то меня спасут. Медицина двадцать четвертого века собирает людей по атомам и справится с промыванием желудка.

– Вы думаете о самоубийстве? – осведомился робот и Артемьев закатил глаза.

– Разумеется, нет. Это шутка. Юмор. Посмотрите в тезаурусе, что такое юмор.

Помощник, или, как о нем думал Артемьев, надсмотрщик, на мгновение замолчал.

– Произведения или высказывание, призванное развлечь слушающих и поднять их настроение, – недоуменно сказал робот. – Однако у меня не бывает настроения и...

– И отдохни, наконец, – Артемьев нажал на кнопку браслета. – У меня есть законный час свободы.

Робот затыкался ночью, но и днем у Артемьева имелась пара часов без назойливого присутствия невидимого собеседника.

Артемьев, впрочем, был не против камер в избе и устройства, следящего за его сном. Спать без кошмаров он начал только на Земле, благодаря выписанным кругленьким врачом и неизвестным Артемьеву таблеткам.

Во время эвакуации с Марса он вскидывался ночью, бессильно шаря руками по узкой койке в недрах космического корабля. Постель пустовала и Артемьев изнеможенно откидывался на смятую подушку.

Тони больше не было и никакая сила не могла этого изменить. Даже написав с десятков подробных рапортов о случившемся в Жемчужном Хаосе, Артемьев все равно думал о морозном марсианском утре, когда они с Тони отправились на разведку.

– Сколько на улице? – весело спросил Артемьев, поливая искусственным кленовым сиропом фальшивые олады.

– На дворе, – поправила его Тони, – а улицы здесь еще появятся. Пока минус шестьдесят, однако к полудню обещали плюс пятнадцать.

– Практически лето, – подмигнул ей Артемьев. – Ты думаешь, что ребята наткнулись на естественную аномалию?

Тони почесала всклокоченные после сна, коротко стриженные белокурые волосы.

– Я должна увидеть все собственными глазами, – честно ответила жена. – Разведчики – не геологи и могли ошибиться.

Артемьевские разведчики сделали фото предполагаемых знаков искусственного происхождения, однако, проверив их вдоль и поперек, Тоня все равно настояла на поездке в лабиринт.

– Тогда собираемся, – Артемьев принялся за кофе. – Это час дороги в один конец.

Его час свободы тоже подходил к концу и Артемьев со вздохом включил браслет.

– Надеюсь, что вы хорошо отдохнули, – корректно сказал робот и Артемьев уверил его:

– Лучше некуда. Мы, кстати говоря, почти у озера.

Размахивая корзинкой, Артемьев остановился на песке. Среди искрящихся на солнце волн виднелась голова пловца. Вытащив на свет искусно раскладывающийся шезлонг, Артемьев с наслаждением плюхнулся на прохладный холст. Он еще никогда не встречал здесь посторонних.

– Что вы читаете? – раздался нежный голос и Артемьев поднял глаза.

На ее бледном лице поблескивали капельки воды. Женщина тяжело дышала. Артемьев показал ей обложку.

– Я предпочитаю древние книги, – улыбнулся он.

– Вы археолог? – женщина опустила на ближний камень. Жест, которым она взъерошила вороньи волосы, показался Артемьеву знакомым.

– Космолетчик, – ответил он. – А вы?

– Я тоже космолетчик, – она подперла кулаком острый подбородок. – Только врач. Меня зовут Элла.

Артемьев осторожно прикоснулся к ее длинным пальцам, однако рука Эллы, по старинному обычаю протянутая ему, оказалась крепкой.

– Я здесь с рабочим визитом, – объяснила она. – Вы на реабилитации?

Артемьев нехотя кивнул. Ему не хотелось говорить о прошлом.

– Можно сказать, что так, – согласился он, – но вообще-то я леший, сидящий на здешних болотах.

Склонив голову набок, Элла оценила буйную артемьевскую бороду.

– Вы похожи, – одобительно сказала она, – тогда ведите меня в глушь болот, уважаемый леший.

Она накинула легкую хламидку и Артемьев хмыкнул:

– Вас заедят комары. Они здесь размерами напоминают космические корабли. Я привык, а вот ваше одеяние их не остановит.

Элла подмигнула ему.

– Я рискну.

Шагая вслед за ней по деревянной дорожке, среди булькающих торфяных ям и черных зеркал стоячей воды, Артемьев не мог отделаться от странного ощущения. Повадки женщины казались ему знакомыми.

– Что за чушь! – обругал себя Артемьев. – Тони была совсем на нее не похожа.

Вспомнив белокурые волосы пропавшей жены и ее лазоревые глаза, Артемьев отвел взгляд от стройной шеи Эллы, невозмутимо шествовавшей впереди него. Она закрутила черные волосы узлом, но локон, выбившийся из прически, цекотал нежное ухо.

– Жилище анахорета, – Артемьев указал на избушку, – милости прошу к моему шалашу.

Черненькая собачка, не обратившая внимания на Эллу, дремала в высокой траве.

– Вас действительно не тронули комары, – Артемьев усадил гостью в плетеное кресло на террасе. – Хотите чаю?

Элла блаженно вытянула длинные ноги.

– Я слышала, что они кусают только людей с определенной группой крови, – отозвалась женщина. – Удивительно, что мы добрались до Юпитера и Сатурна, но до сих пор не знаем, что движет комаром в его полете.

– Голод, – весело сказал Артемьев. – Будете медовую соту?

Элла кивнула.

– Конечно. Мне почему-то кажется, что еще у вас есть варенье из лесной малины, чай с чабрецом и самовар.

– Вы очень проницательны, – подмигнул ей Артемьев.

Растапливая самовар шишками, он пробормотал себе под нос:

– Все равно. Тони так же морщила нос, когда собиралась рассмеяться и так же закручивала волосы на затылке.

Артемьев велел себе успокоиться.

– Ни слова о космосе, – провозгласил он, поставив самовар на круглый стол, – сегодня мы говорим только о Земле.

– Потому что мы все о ней скучаем, – Элла приняла чашку, – даже по комарам.

Медное солнце уже клонилось к закату, а на ветвях сосен курлыкали проснувшиеся к вечеру лесные голуби. Они с Эллой говорили о лесных травах, о ближнем холодном море, о старых земных городах, теперь превращенных в музеи.

Гостя не расспрашивала у него о Марсе, чему Артемьев был только рад. Когда зеленоватое золото заката окрасило небо и на болоте заквакали лягушки, Элла поднялась.

– Мне пора, – она запнулась, – спасибо за прекрасно проведенное время.

– За этот вечер я отдохнул лучше, чем за весь прошлый год, – искренне ответил Артемьев. – До завтра и спокойной вам ночи.

– Вам тоже, – отозвалась Элла.

На болота лег туман и Артемьев постоял на крыльце, провожая глазами ее тонкую фигурку. Черноволосая голова Эллы растворилась в белесой дымке и он отчего-то вздохнул.

Этой ночью Артемьев плохо спал. За ставнями избы выл разыгравшийся ветер, а он все ворочался, то сминая подушку, то сбрасывая ее на пол, то раскидываясь под одеялом.

– Тогда тоже поднялся ветер, – Артемьев тяжело задышал, – то есть началась песчаная буря...

Сверившись с датчиком на приборной панели, Тони разочарованно сказала:

– Эта музыка еще часа на два, не меньше. Обидно ждать почти у самой цели. Ты говорил, что вход в пещеру где-то рядом?

Она обернулась и Артемьев заставил себя сказать:

– Да, очень близко. Мы можем рискнуть и добежать туда.

Он знал, что Тони, с ее нетерпеливостью, согласится.

– И еще я знал, что даже если ее тело найдут, то травмы спишут на песчаную бурю, — Артемьев вскинулся на кровати. – Я ударил ее камнем по голове и выбросил прочь из пещеры, куда мы все-таки добежали...

Он едва успел глотнуть воздуха, как в его ухо вплыл холодный голос:

– Почему?

Артемьев закрыл лицо руками. Слезы капали между пальцев, падая на смятую простыню.

– Тони мне изменяла, – его голос угас. – Она решила уйти от меня и это был только вопрос времени, но я не хотел и не мог ее отпустить.

– Признаете ли вы себя виновным? – спросил тот же голос и Артемьев обреченно ответил:

– Да.

– Вам запрещен выход из помещения, – дверь механически щелкнула и Артемьев вздрогнул. – Утром вы поступите в ведение Дисциплинарной комиссии Космофлота, которая определит вашу дальнейшую судьбу.

Голос отключился. Попытавшись вытереть мокрое лицо простыней, Артемьев разрыдался.

– Тони, Тони, прости меня

Докладная записка

В Медицинское управления Космофлота

От главного врача реабилитационного санатория «Болотный»

В ходе экспериментальной проверки новой модели андроида Х418 («Элла») последняя показала отличные результаты работы. Рекомендуем дальнейшее использование «Эллы» для психологической реабилитации космолетчиков.

Алые маки Брезанса

– Расстояние до объекта составляет менее десяти тысяч километров, – вежливо сказал Регистратор. – Начинаю готовить корабль к посадке.

– Погоди, – велела Ксения, – не так быстро. Дай мне привыкнуть к обстановке.

За панорамным окном ее «Дерзости» простиралось то же самое звездное небо, которое Ксения видела каждый день, выходя на мостик своего кабинета на галактической станции «Стремление».

Официально глава дальней разведки пребывала в очередном отпуске. На станции считали, что она направилась на Землю, которую Ксения действительно посетила. Остальное она считала своим личным делом.

Брезанс, открытый год назад группой 18-С, простирался перед Ксенией в серебристом великолепии. Третья планета в недавно обнаруженной системе Сирмиона, Брезанс стоял в очереди на включение в список двойников Земли, который составляли, как выражались в Космофлоте, на всякий пожарный случай.

– Будем надеяться, что такого не произойдет, – заметила Ксения младшей сестре, – а теперь расскажи мне обо всем по порядку.

На большом экране перед ними проплывали заснеженные пики и бескрайние пространства лиловато-зеленых лесов. Вихрь трепал фиолетовые метелки высокой травы на равнинах и гнал изумрудные океанские валы на серые скалы океанских берегов.

– Это снимали роботы, – Алена высморкалась. – На новых планетах по протоколу не положено летать.

Младшая сестра забилась с ногами в кресло, завивающееся вокруг нее, словно раковина. Нос Алены распух, а голубые глаза покраснели. Она небрежно сколола на затылке светлые пряди отросших в санатории волос.

За окном комнаты по лазоревой глади океана скользил айсберг. Санаторий Космофлота помещался на побережье Антарктиды.

Ксения прилетела сюда с посадочной площадки в центре континента, выдержав по дороге битву с главным психологом Космофлота, счиатавшим, что ее встреча с сестрой преждевременна.

– Я так не думаю, – отрезала Ксения. – Я заменила Алене родителей после их гибели и она может рассказать мне то, о чем не догадываются ваши ментальные сканеры.

Любой космофлотчик, достойных своих шевронов, знал, как обходить излюбленные инструменты психологов, но Алене едва исполнилось двадцать два года и Брезанс стал только второй планетой сестры, куда она отправилась в составе десанта разведки.

– От которого осталась она одна, – Ксения незаметно рассматривала сестру. – Что же все-таки случилось на Брезансе?

Ксения, как глава дальней разведки, получила официальную информацию об инциденте и наизусть помнила скупые строки.

«18-С-22-12-42. Брезанс. Красный код. Один выживший направляется на Землю».

Алену нашли почти без сознания в обнимку с передатчиком во временном лагере десантной группы. Сестра успела отправить сигнал бедствия, принятый проходившим неподалеку грузовым кораблем.

Судя по разговору Ксении с психологом Космофлота, дела обстояли не самым лучшим образом. За месяц пребывания в санатории ни встречи сестры с врачами, ни ее ментальное сканирование не принесли никаких результатов.

– Она заявляет, что ничего не помнит, – заметил главный психолог, – а что касается машин, то все сеансы наталкиваются на что-то вроде серой зоны. Она словно вытеснила трав-

мирующие воспоминания из памяти. Ладно, – врач пожал плечами, – может быть, вам удастся ее разговорить.

Ксения не сомневалась, что коллеги из отдела внутренней безопасности оснастили комнату Алены всеми нужными устройствами. Психологи пока не видели опасности самоубийства, однако круглосуточное наблюдение за выжившими после трагедий было обычным делом.

Ксения помнила о космическом безумии, расстройстве, зачастую настигающем астронавтов. Алена могла сама уничтожить товарищей по десанту, тела которых пока так и не нашли.

Поисками на Брезансе занимались роботы, потому что в подобных случаях разведчикам запрещалось немедленно высаживаться на планету. На экране дрон скользил над мягкими холмами предгорий, покрытыми алыми пятнами. Темная зелень травы колыхалась под ветром, а в пустынном небе плыли прозрачные облака.

Ксения вздрогнула от тихого голоса сестры. Алена комкала в пальцах клочок чего-то красного,

– Это тамошние цветы, – Алена сглотнула, – они чем-то похожи на наши маки. Филипп принес мне букет в то утро, когда...

Разорванный платок выскользнул на пол и сестра разрыдалась, уткнув лицо в ладони.

Двадцать лет назад малышку Алену привезли на Землю после гибели их родителей в неудачном рейде на кольца Сатурна, где разведка пыталась найти артефакты, доказывающие существование внеземных цивилизаций.

Поднявшись, Ксения обняла трясущиеся плечи сестры.

– Алена плакала и тогда и сейчас, – вспомнила Ксения, – а я ни проронила ни слезинки.

Она поморщилась от рези в сухих глазах. В шестнадцать лет Ксения считала, что кадеты Космофлота не плачут.

– Потому что я была дурой, – она скрыла вздох, – но теперь и правда бесполезно рыдать. Займись, наконец, делом.

Она осторожно шепнула:

– Когда случилось что, милая? Что произошло в тот день? Где Анжела и Марио?

Ксения хорошо знала инженера и врача, вторую пару разведчиков в группе сестры.

– И где Филипп? – она ласково покачала сестру. – Он никогда не бросил бы Алену на произвол судьбы.

Сестра и ее жених собирались устроить свадьбу в следующем году.

Погладив растрепанные волосы сестры, Ксения застыла. Нежные пальцы Алены цепко схватили ее руку. В детстве сестра часто писала на ее ладони на придуманном ими языке.

– Анжела и Марио сгинули, – разобрала Ксения, – а Филипп провалился в небытие.

Прижавшись щекой к мокрой от слез щеке сестры, она шепнула:

– А ты?

Ксения едва успела схватить Алену за плечо. Тонкая ткань пижамы затрещала и сестра рванулась вперед.

– Я должна вернуться туда, – провыла Алена, ударившись головой о стену.

Посадка «Дерзости» на то же место, куда год назад опустился звездолет группы 18-С, прошла без осложнений. Атмосфера Брезанса практически не отличалась от земной. Спустившись по легкой лесенке, Ксения остановилась, вдыхая соленоватый ветер. Лагерь 18-С располагался в полудне лета от единственного местного океана.

– И материк здесь тоже один, – Ксения потерла руками лицо, – незачем медлить.

Она оставила в кабине «Дерзости» записанное ей по дороге послание к руководству Космофлота. Зашагав к виднеющейся среди серых камней бирюзовой воде, Ксения тяжело вздохнула. Она предпочла не рассказывать психологам о том, в чем ей призналась Алена.

– Иначе меня никогда не выпустили бы с Земли, – хмыкнула Ксения, подойдя к кромке прибоя. Вокруг озера возвышались чистые снега горных вершин.

Здесь, по словам Алены, погибли Анжела и Марио, вторая пара разведчиков.

– Марио пошел брать пробы воды и пропал, – сестра писала на ее руке. – Филипп хотел известить Базу об инциденте, однако через несколько часов исчезла и сама Анжела.

Трупы пары выбросило на берег следующим утром.

– Это были не трупы, – Алена передернулась, – их словно вывернуло наизнанку. От них осталась одна оболочка, будто их...

Сестра опять разрыдалась и Ксения прижала Алену к себе. Ее пальцы скользили по ладони сестры.

– Все будет хорошо, – она зашевелила губами. – Филипп вернется к тебе и вы обо всем забудете.

Алена задрожала, постукивая зубами.

– Ты не понимаешь, – рука сестры запнулась. – Я должна прийти туда сама, иначе он не отпустит Филиппа.

Ксения шепнула:

– Отпустит, потому что мы с тобой одной крови.

Нарвав охапку алых маков со склона холма, Ксения сплела из них гирлянду.

– Здесь так принято, – вспомнила она слова сестры. – Он приносил ей цветы и хотел с ней...

Справившись с тошнотой, она сбросила комбинезон, оставшись в одной невесомой рубашке, окутывающей торс. Ледяная вода обожгла тело и Ксения невольно задержала дыхание.

Сестре удалось вырваться из логова единственного обитателя Брезанса в обмен на обещание вернуться. Алена сказала, что хочет попрощаться с Землей.

– И со мной тоже, – Ксения открыла глаза. – Вот и подводные скалы.

Гирлянда на шее оставалась такой же свежей. Ксения мимолетно подумала, что биологи заинтересовались бы такими цветами. Проплыв между камнями, она нырнула в узкую щель.

– Однако не заинтересуются, потому что теперь Брезанс станет запретной планетой, – поняла Ксения. – Филипп обо всем позаботится и придумает какую-нибудь сказку.

Гибель второго разведчика означало автоматическое закрытие планеты для последующих экспедиций. Ксения не сомневалась, что Филипп найдет объяснение своей и ее пропаже. Ей только было жаль, что теперь она никогда не увидит племянников.

– Это небольшая цена за счастье Алены, – напомнила себе Ксения.

Вокруг нее царил могильный холод, а покрытые наростами стены пещеры сочились беловатой жидкостью. Под ногами что-то хлопало и Ксения поморщилась от неприятного запаха гниения. Впереди зеленел свет и, двинувшись к его источнику, она натолкнулась на Филиппа, спеленутого по рукам и ногам какими-то тяжами, обездвиженного, покоящегося в желтоватой, дурно пахнущей корке.

– Ты пришла с цветами, – раздался голос в ее голове, – но я ждал другую.

Ксения заставила себя посмотреть в мерцающие призрачным блеском, спрятанные в складках гноящейся кожи, глаза.

– Я ее сестра, – вскинув голову, она пошатнулась от укола чего-то острого в руку.

– Я чувствую, – черный язык спрятался в провале рта и он облизнулся. – Тогда оставайся.

Ксения указала на кокон и он скрипуче рассмеялся. Его обросшие буграми, потрескавшиеся ноги уходили в самое основание пещеры.

– Пусть отправляется восвояси, – кокон затрещал, – потому что теперь у меня есть ты.

Тяжи лопнули и Ксения изо всех сил крикнула:

– Алена ждет тебя на Земле. Беги отсюда, немедленно!

Филипп, слепо извиваясь среди камней, пополз к выходу из пещеры.

Зловонное дыхание окутало Ксению и мертвенно холодные щупальца зашарили по ее груди. С его желтых клыков капало что-то вязкое.

– Его я отпускаю, – услышала Ксения, – а тебя нет.

Обреченно закрыв глаза, она погрузилась в тьму небытия.

Блудная дочь

Длинные костлявые пальцы передвинули вырезанную из прозрачного марсианского камня пешку.

– Твой ход, – отец подмигнул мне, – или в твоей обычной манере ты намереваешься думать до ночи?

Усмехнувшись, я ответила ходом своей пешки.

– Учитывая, что до нее осталось совсем немного, папа.

Над громадой Дворца Совета разгорался багровый закат. Небо превратилось в лиловый бархат, озаренный острыми огнями первых звезд. В парке зажигались факелы, а среди вековых дубов уже зеленели холодным сиянием светлячки. В темных водах залива замерцали поднявшиеся из глубин светящиеся медузы.

Солнце опускалось в морской простор, отмеченный старинными фортами, сложенными из грубого камня. На стенах по ночам пылали костры, однако их огонь, как и полуденные выстрелы из пушки, за сотни лет превратились из необходимости в традицию.

Землянам больше нечего было бояться в своей крепости. До недавних времен Совет, во главе с моим отцом, и все население планеты считали именно так, но, судя по залегшим у его рта морщинам и раздраженной манере вести игру, сейчас все изменилось.

В нашей обычной вечерней партии отец двигал фигуры не торопясь, перешучиваясь со мной и рассказывая о дневном заседании Совета, куда меня и моего старшего брата пока не допускали. Андрей, который потом должен был занять место отца, сейчас все равно пребывал в командной рубке «Бронзового щита», гигантского стратосферного комплекса, окутывающего Землю непроницаемым охранным поясом.

Со времен Большой планетарной войны прошло триста лет, однако военная служба на Земле оставалась обязательной и, судя по данным нашей разведки, марсиане тоже не отказались от всеобщего призыва.

Я пришла в личный сад отца, поменяв комбинезон инженерных войск на легкую, но теплую тунику и сандалии. На шестидесятой параллели августовские ночи источали почти осенний холодок.

Глядя на сосредоточенное лицо отца, я решила до поры до времени прикусить язык. Официально Глава Совета не мог передавать засекреченные сведения даже своим детям, однако я знала, что отец рано или поздно разговорится.

Мои фигуры тоже вырезали из марсианского камня, черного базальта, пронизанного сетью золотых жилок. Внутри словно хрустальных фигур отца клубилось туманное серебро. Набор сделали еще до Большой планетарной войны, о чем свидетельствовала дата в искусном бронзовом картуше.

– Пат, – задумчиво сказала я, глядя на доску. – По крайней мере, я не вижу выхода из этой позиции, папа.

Разглядывая доску, отец покачал головой.

– Из любой ситуации всегда есть выход, милая, что мы и обсуждали сегодня на Совете.

Закат превратился в брусничную полоску на западе, где волны залива соединялись с морскими водами. Над нашими головами закачался золотой леденец Луны, и отец тяжело вздохнул:

– Лучше я скажу так. Выход имеется, но, промедлив, мы его потеряем. Речь идет о землянах на Луне, Ольга, и Совету нужна твоя помощь.

Командную рубку «Бронзового щита» заливало серебристое сияние отраженного Луной солнечного света. Я еще никогда не видела наш спутник так близко.

Словно услышав меня, Андрей заметил:

– Отсюда до точки randevu всего сутки пути, – мой брат тонко улыбнулся. – Как говорили древние, *festina lente*.

– Поспешай не торопясь, – я нажала кнопку на пульте. – Надо сказать, что вы здесь провели отличную работу.

Андрей немного покраснел. Мой старший брат и в детстве смущался похвал.

– Ерунда, – пробормотал он. – Однако на самом деле на твоём месте должен был быть я. То есть на её месте.

Андрей кивнул на экран, откуда на нас сурово смотрела некая Ольга Конноли, моя ровесница и уроженка Луны, работница одной из бесчисленных фабрик нашего спутника.

– Нашего, – моя рука невольно сжалась в кулак.

Марсиане, оккупировавшие Луну после Большой планетарной войны и распада Звездной федерации, по моему мнению, не имели на нее ровно никаких прав. Луну населяли потомки землян, и по-марсиански там говорили только пришлые колониальные чиновники.

Все еще рассматривая хмурое лицо Конноли, я вспомнила гневный голос отца.

– Эти бедняги на Луне триста лет учат детей в подпольных школах, но не отказываются от языка даже под страхом каторги, милая.

В обычной ледяной голубизне его глаз что-то сверкнуло, и я уловила дрожь в отцовском голосе. Глава Совета Земли редко позволял себе эмоции, однако в последнее время, наблюдая за всепланетными выступлениями отца, говорящего о нашем долге перед населением Луны, я все чаще замечала, что ему тяжело скрывать слезы.

Марсиане запретили жителям Луны эмигрировать на Землю, и до нас добирались только редкие смельчаки, которым удалось угнать космический корабль и прорваться через силовой щит, окружающий спутник. Спасшиеся рассказывали о подлунных каторжных шахтах и о детях, разлученных с родителями и увезенных на Марс ради «правильного», как его называли сами марсиане, воспитания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.